

О Т З Ы В

официального оппонента о диссертации Чаркина Владимира Владимировича
«Способы выражения авторского сознания в поэзии С.Я. Надсона»,
представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук
по специальности 10.01.01 – русская литература.

Диссертационное исследование Чаркина В.В., без сомнения, состоявшееся и завершенное. Его актуальность очевидна. Историография проблемы не дает оснований отнести ее к решенным, что осознается и самим диссертантом («отсутствие системного изучения способов выражения авторского сознания в поэзии С.Я. Надсона»). Остается добавить, что ответственной обязанностью литературоведа является периодическое перечитывание словесного наследия и отдельных произведений каждого писателя в новых научных парадигмах, с применением новых подходов и методик, что позволяет востребовать их скрытый потенциал, тем самым пролонгировать их рецептивное существование и диахроническое значение. Это тем более справедливо в отношении к С.Я. Надсону, разнообразные и почти всегда противоречивые суждения о котором – признание того, что его проблема в современной науке о литературе далека от приемлемого разрешения. В этом плане диссертация В.В. Чаркина вписывается в современный научный диалог о С.Я. Надсоне.

К одним из перспективных подходов к наследию поэта, как убеждает в этом современное надсоноведение, относится его осмысление через образ имплицитного автора, явленного в различных ипостасях своей текстовой экспликации. Такой подход позволяет поставить ряд взаимосвязанных задач: выявить способы выражения авторского сознания в контексте сложившейся в литературной практике традиции, соотнести эти способы с pragматической установкой современной автору поэзии, определить их функциональное участие в осуществлении формосодержательного единства поэтического произведения и т.д. Из всех вероятных и перспективных векторов исследования диссертант выбирает первоочередной – «изучить способы выражения авторского сознания в поэзии С.Я. Надсона, реализованные на уровне структурно-семантической организации произведений; выявить особенности мировоззрения поэта посредством рассмотрения основных субъектных моделей и нарративных форм». Такое задание является обязательным и основоположным для комплексного решения проблемы, а потому и формулируется соискателем как основная цель исследования. Ее осознание диссидентом, подтверждаемое системным единством производных от нее задач и логикой их композиционного развертывания, обозначенной в названиях глав и параграфов, обеспечили ожидаемый успех в решении самой проблемы. Полноту этого решения, как и достоверность выводов и результатов исследования, обусловили, во-первых, освоение диссидентом отечественных научных теорий автора и нарратива, во-вторых, овладение опробованным в литературоведческой практике методическим инструментарием, в-третьих, значительным объемом поэтического материала.

Несколько слов о методах. Они уместны, поскольку соответствуют предметному содержанию объекта исследования, и они реализованы в ходе профессионального прочтения художественных текстов. Их структурно-семантический анализ проведен целенаправленно и с должным усердием. Он охватил все уровни поэтической речи, мотивику, сюжетику, образную систему произведения, по необходимости – его жанровые признаки. Он продемонстрировал филологическую образованность диссертанта, его исследовательские навыки, но главное, подтвердил четко и ясно сформулированные положения, выносимые на защиту, обеспечил обоснованность выводов. Результативность примененных методов, проведенного анализа и интерпретации текстов объяснима тем, что они как научный инструментарий ориентировались теориями автора и нарратива. Это позволило выявить в рефлектируемом материале способы текстопорождения, не учитываемые предшествующими исследователями творческого наследия С.Я. Надсона, в чем собственно и заключается научная новизна оппонируемой диссертации и личный вклад соискателя в надсоноведение.

Предпринятая диссидентом оригинальная проекция теории автора и теории нарратива на стихотворные произведения поэта оказалась продуктивной еще и потому что благодаря ей соискатель смог систематизировать полученные в процессе аналитического осмысливания надсоновских текстов формы лирической субъектности и типы нарративной презентации лирического субъекта в зависимости от жанровой стратегии произведения. Апробация этих теорий на новом поэтическом материале способствовала обогащению самих теорий, их классификационных возможностей, в чем и заключается теоретическая значимость исследования.

Теперь перейдем к замечаниям.

Первое. Диссидент столкнулся со многими теоретическими проблемами, к одной из которых относится проблема различия лирического героя и лирического субъекта. В границах опыта осмысливания этих понятий в отечественном литературоведении автор диссертации вполне с ней справился, хотя в ходе их практического использования при анализе поэтических текстов это различие не всегда срабатывает должным образом. Так, странным выглядит фраза «душа лирического субъекта» (с. 80), тем более что в следующей строке сказано: «субъект речи выступает сторонним наблюдателем». Исходя из признанного развоения художественного целого на изображенную реальность и реальность текста, проще было бы увязать лирического героя с первой, а лирического субъекта – со второй, тем самым представив их как две выраженные ипостаси имплицитного автора.

Второе. С.Я. Надсон, прежде всего, поэт речевого жеста, завершающего целостность текста и являющегося в плане его восприятия «внешним» выражением авторской модальности. И в этом плане ему типологически близок Н.А. Некрасов с его театральной витийственностью, несмотря на то, что первый – «ночной», как и М.Ю. Лермонтов и Ф.И. Тютчев, как многие его сумеречные современники по поэтическому цеху и экзистенциальному настроению, а второй – «дневной», как А.С. Пушкин, Н.М. Языков, К.Н. Батюшков, А.А. Дельвиг и др. Экстериоризованный характер его лирического героя, а значит риторический – лирического субъекта, объясняет наличие прагматической установки на аудиторию у автора, не случайно пользующегося полемическими (это отметил и диссидент) жанрами,

к примеру, инвективой. Сказанное предполагает предметное обращение к тем речевым фигурам и синтаксическим конструкциям, которые прежде всего и создают риторическую фактуру стиха. Нельзя сказать, что соискатель не обращает на них внимания (так он часто упоминает анафору и параллелизм), но многое остается неименованным (например, форму организации цитируемых на 164 странице стихов «Пел о славных сраженьях и ранах бойцов, // О смятеньи их жен, о любви матерей, // О смятеньи и страхе сраженных врагов...» следует квалифицировать как зевгму; на с. 120 сказано: «В последней части поэмы нарративный план усложняется на уровне синтаксиса. Сложная гамма чувств и динамика происходящего передается многоточиями», но в данном случае это обрыв, оформленный пунктуационным знаком, как и пример на с. 124: «Особая экспрессия создается за счет использования многоточий: «Христос молился... Пот кровавый / С чела по-никшего бежал...»; стихотворение же «На заре» и др. имеет явные признаки солилоквиума; большое количество стихотворений имеют полисиндетон, встречаются и парентезы и т.д.).

Третье. Недостаточно проведена и жанровая идентификация стихотворных текстов, которая могла бы стать дополнительным параметром при обсуждении субъектных форм. Приведу некоторые примеры. С. 135: «В поэму вводится монолог героя, обращенный к видению» – это композиционная вставка визионерского жанра; в стихотворение «Прощай, туманная столица» вплетен жанровый мотив валеты; одиночный катрен «Не говорите мне "он умер"». Он живет!» представляет собой антистрофу; стихотворение «За что?», помимо отмеченной диссертантом инвективы, имеет жанровые приметы эпитафialного плача и т.д. Я привел только те тексты, в которых риторический характер лирического субъекта усилен обращением к анонимным или виртуальным адресатам. Но эти конкретные замечания объединены общим. Осталось непроясненным соотношение модальности имплицитного автора и жанровой содержательности (модальности).

Четвертое. Диссертант постоянно и на разных уровнях проводит сравнительно-сопоставительные параллели между С.Я. Надсоном и другими литераторами. И это совершенно справедливо, т.к. он в целом вписывается в контекст поэтической традиции XIX века, сознательно обращаясь к ее основным образам и мотивам, о чем свидетельствует выраженная интертекстуальность его творчества. Но следовало бы определить характер заимствования, шире – отношения к этой традиции. Как нам представляется, отсутствие отстраненного, тем более, ироничного отношения к ней, не позволили ему стать одним из ее завершителей. Наоборот, попытка ее пролонгировать, несмотря на новые жизненные и литературные обстоятельства, обусловили экспрессионистскую тематику и поэтику, то, что стало именоваться «надсоновским надрывом», который не мог не запечатлеться в формах презентации авторского сознания. Показательным в этом плане является стихотворение «Во мгле», в котором мотив отрезвления от иллюзий сменяется призывом к новым.

И несколько частных замечаний.

1. Для меня осталось неубедительным пояснение выбора произведений на с. 111: «Наибольший интерес, с нашей точки зрения, представляют поэмы «Христианка» и «Иуда», в которых проявляются тенденции, наиболее характерные для

эпохи конца 70-х годов, периода начала формирования поэмы нового типа (лирической поэмы), который станет преобладать в поэзии следующего периода».

2. С. 136: «Прерывистая речь Иуды, крайняя степень его эмоционального напряжения передаются в тексте поэмы многочисленными многоточиями. Это введение в текст потока сознания является своеобразным открытием С.Я. Надсона». Но понятие это ввел в обиход У. Джеймс, в русской транскрипции оно именовалось «внутренним монологом» (хрестоматийный пример: Анна Каренина перед зажженной свечой накануне трагедии).

Однако все замечания носят полемический или факультативный характер, а пожелания – рекомендательный, и не умаляют профессиональных достоинств научной работы В.В. Чаркина, актуальной по своей проблематике, самостоятельной в исполнительском решении задач, убедительной в своих основных теоретических выводах и полученных результатах. Автореферат диссертации воспроизводит структуру диссертации и ее основное содержание.

Диссертация В.В. Чаркина полностью соответствуют критериям, установленным в пп. 9–11, 13–14 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденным Постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842). Автор диссертационного исследования В.В. Чаркин заслуживает присуждения искомой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература.

Иванюк Борис Павлович,
доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой теории и истории литературы
ФГБОУ «Елецкий государственный университет
Им. И.А. Бунина»

Домашний адрес: 399770, г. Елец Липецкой области, ул. Мира, д. 136, кв. 23; тел.: 47467-60872, 8-903-032-75-47; эл. почта: odinal47@mail.ru

